

Studia Culturae: Вып. 1 (39): Scholae: Г.С. Андреев. С. 151-158.

Г.С. АНДРЕЕВ

Аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

БУДУЩЕЕ СВОБОДЫ

В статье рассматривается вопрос того, какое место будет занимать проблема свободы в будущем через призму антиутопии, как жанра, направленного на будущее. Для оценки места свободы в двух текстах англоязычных антиутопий используется материал Г.Зиммеля, Э.Фромма и Э.Тоффлера. На основе этого анализа строится предположение о главенствующей роли свободы в настоящем и будущем для предотвращения наступления антиутопии.

Ключевые слова: свобода, антиутопия, Зиммель, Фромм, Тоффлер

G.S. ANDREEV

Postgraduate student,

Saint Petersburg State University

FUTURE OF FREEDOM

The article considers the exploration of the place of freedom in the future through the prism of anti-utopia, as a genre aimed at the future. For this purpose are used texts of G.Simmel, E.Fromm, and E.Toffler in the context of a problem of freedom in two texts of English anti-utopias of the 21st century. On the basis of this analysis, an assumption is made about the dominant role of freedom in the present and the future in order to avert the occurrence of anti-utopia.

Keywords: freedom, anti-utopia, Simmel, Fromm, Toffler

В литературе вопросами будущего оперирует не только антиутопия, но и фантастика. Фантастика и антиутопия – схожие и все же при ближайшем рассмотрении различные жанры. Писатель-фантаст зачастую использует один очень важный прием – фантастическое допущение. Этот прием основан на преобразовании будущего исходя из допущения (невозможного в принципе или на данный момент), исходя из которого изменяется все будущее. В своей книге «Modern utopian fictions from H.G.Wells to Iris Murdoch» П.Фирчоу приводит интересный анализ: он полагает, что секрет успешности и актуальности фантастики Г.Уэллса основан как раз на грамотном использовании этого приема. Задача фантаста – кропотливо перекроить будущее в соответствии с допущением (как, например, путешествия во времени в «Машине времени»), а не делать все на свете

потенциально возможным. Но тем не менее, выбрав одно допущение, ты свободен изменить все. Именно это позволяет, как признавался известный фантаст Роберт Шекли быть писателю максимально свободным.

Такой свободы нет у автора антиутопии, в первую очередь потому, что его задача – не допустить такого общества, которое антиутопист описывает. Кроме того, например, для английской антиутопии огромное значение имеют традиции – причем как жанровые, так и относящиеся к историко-культурному контексту.

Стоит обратить внимание и на то, что свое негативное вдохновение антиутопист черпает из реальности, его воображаемое прошлое – наше настоящее, его настоящее – наше воображаемое будущее. В этом смысле антиутопист похож своей задачей на ученого – в его интересах изучить и понять реальное так, чтобы составить правдоподобный прогноз будущего. Один из главных инструментов антиутописта в этом это его свобода. Именно поэтому, отчасти, свобода – одна из важнейших ценностей современной антиутопии. Именно такой вывод напрашивается, когда анализируешь системы, описанные в текстах современных антиутопий.

Однако, этот вывод малопродуктивен для дальнейших исследований. Необходимы пояснения к нему, которые дадут нам понимание того, как распоряжаться таким выводом, как он может нам послужить. Именно этому посвящена данная статья. Попробуем разобраться в вопросе, какое место в будущем отводят свободе авторы антиутопий.

Обратимся к произведениям разных лет, которые соответствуют периодам зарождения, становления и расцвета антиутопии, как одного из самых популярных строгих жанров современной литературы. Произведения подобраны таким образом, чтобы наиболее полно осветить проблему восприятия свободы и ее судьбы в будущем человечества.

В нашем анализе нам помогут – Г.Зиммель и его «Большие города и духовная жизнь», Э.Фромм и «Бегство от свободы» и «Шок будущего» Э.Тоффлера.

Г.Зиммель рассуждает о том, что одной из главных особенностей современной ему культуры (очерк опубликован в 1903 году) и следствием ее буйного развития является доминирование объективной культуры над слабым индивидом. В условиях короткой коммуникации и размеров основной агломерации современности – города, который диктует определенные правила, человек вынужден двигаться от количественного обособления к качественному, для сохранения спроса на свою личность в экономическом плане и для сохранения собственной самооценки. С другой стороны, именно масштабы города и количество людей обеспечивают индифферентность других, которая в свою очередь обеспечивает независимость индивида.

Зиммель под свободой понимает следование законам природы, в конечном счете подразумевая под натурой в данном случае то, что обеспечивает индивидуальный способ существования, по которому нас можно отличить от других, или, что важнее, не спутать с другими. В самом начале очерка Зиммель приводит «эволюцию свободы» человека или историю борьбы за индивидуальность. Человек в борьбе за свои свободы движется от государственных, моральных и религиозных «ущемлений» к провозглашению «важности» каждого отдельного члена общества. В целом, он рассматривает жизнь современного городского человека как более свободную, в сравнении с жизнью сельского жителя и даже жителя городка поменьше, кроме того, Зиммель отмечает и исторические изменения в свободах индивидов – ограничения жизни в малом античном и средневековом городе показались бы современному человеку нестерпимыми преступлениями. Кроме того, не всегда следствием свободы является комфорт, о чем также упоминает Зиммель, называя это «отражением» свободы.

Однако, все вышеописанные положительные моменты свободы имеют и обратную сторону, оборачиваясь серьезными проблемами для современного человека. Вся работа человечества в отношении признания уникальности каждого отдельного члена меркнет перед одним инструментом – деньгами. Деньги стали универсальным средством количественного выражения качественных различий. Деньги с их настоящей индифферентностью к тому, что они выражают становятся общим знаменателем, страшным инструментом уравнивания свойств, вещей и, в конечном счете, людей. Именно появление универсального инструмента и определяет новый виток истории борьбы человека за оберегание своей самостоятельности и своеобразия собственного бытия. Все самые серьезные проблемы современного человека, по мнению Г.Зиммеля, и объясняются противоречием между задачами общества и индивида, для общества главное – уравнивать всех индивидов, для индивида – сохранить свою индивидуальность.

Работа Э.Фромма (первая публикация датирована 1941 годом) исследует свободу гораздо тщательнее в попытке исчерпывающе описать один из механизмов современной жизни – «бегство от свободы». Называя свободу ключевым фактором социального и культурного кризиса современности, Фромм видит два возможных исхода этого кризиса – бегство от свободы или продвижение к реализации позитивной свободы.

Исследуя «бегство от свободы» Фромм пишет, что сбежать от достижений свободы, которая принесла человеку независимость и рациональность можно только в новую зависимость и рабство. У бегства от свободы два пути – это подчинение лидеру или конформизм, и то и

другое калечит индивидуальное бытие человека. Добровольный отказ от свободы происходит из-за того, что наравне с новыми возможностями новые достижения свободы имели и недостатки – расширившись, свобода сделала человека тревожным, бессильным и изолированным, а изоляция вызывает у человека наибольшее отвращение. При этом стремление стать свободным характерно для всей человеческой природы, более того, свобода – ядро современной европейской и американской истории, процесс которой представляет собой освобождение от политических, экономических и духовных пут. Человек биологически неразделим со свободой, полагает Э.Фромм.

Вместе с тем, что человек чувствует негативные последствия развития свободы, он не замечает другого одновременного процесса; замороженный ростом свободы от внешних сил, человек не обращает внимания на то, как внутренние враги свободы – принуждения и страхи подрывают ее значение. Человек, как пишет Фромм, получил свободу совести, но разучился мыслить самостоятельно, при этом, ценностью обладает такая свобода лишь тогда, когда человек способен иметь собственные мысли, а не высказывать общее мнение.

Современный человек всецело находится под анонимной властью здравого смысла, общественного мнения и науки. Я буду тем, каким вы хотите меня видеть – итог сотворения человеком нового Бога – экономической машины, где равнодушие является основой, служения и подчинения ей. Индивид превратился в товар, он продает свои физические и умственные возможности, и тело, и личность. Одновременно с этим, став товаром и превратив в товар других, человек стал и потребителем, который важен лишь абстрактно, как маленький винтик огромной системы. В товаре и потребителе личность не важна, основная их характеристика – универсальность, возможность минимальными затратами обеспечить себе максимальную прибыль. Идеал теперь – мыслить и жить без эмоций. Но вопрос – известны ли людям их истинные желания остается, в таком случае, риторическим.

Все вышеописанное, по мнению Фромма, справедливо для для негативной свободы, «свободы от», которая ведет к новому рабству как по замкнутому кругу. Другой путь – «свобода для», позитивная свобода, которая ведет человека к культивированию своей уникальной личности. Однако, существует важный аспект – «свобода для» - идеал, который никогда не находил реализации в реальной жизни, как отмечает Фромм. Однако уважение и культивирование личности – главные достижения культуры, как он считает, правда и справедливость – главное оружие в борьбе за позитивную свободу и развитие индивидуальности. Основа позитивной свободы – реализация свободной воли полной, целостной

личности. Свобода устраняет иллюзии и подталкивает человека к пониманию того, что он сам и есть центр и цель жизни, смысл которой – акт жизни как таковой. Главные проявления свободы – любовь и труд, основа которых позитивная свобода.

Принесение индивида в жертву целому это социализм, цитирует Гегбельса Фромм, однако, и капитализм, это такое же принесение личности в жертву системе, чтобы она могла воспроизводить себя. Ведь при капитализме личности также не имеют значения для системы, важна их экономическая активность и доходы как обезличенных субъектов.

Довольно интересную точку зрения в отношении свободы описывает Э.Тоффлер в книге «Шок будущего» опубликованной в 1970 году.

Он полагает, что зачастую социальные несчастья – следствие не угнетающего контроля, а его недостаточности, соответственно, контроль нужно усилить, а вместе с этим уменьшатся свободы граждан. При этом, Тоффлер описывает такую картину будущего, где из-за краха системы ценностей прошлого, перед человеком встанут искушающие и устрашающие просторы свободы. Тоффлер полагает, что современный ему период можно назвать сверхиндустриальной революцией, которая требует новой концепции свободы и принятия факта того, что свобода, которая получит расширенные возможности, дойдя до предела станет отрицать саму себя. Он считает, что свобода может стать несвободой, а выбор – сверхвыбором. Человек в будущем будет страдать от парализующего выбора, а самое главное, что впереди нас ждет новая экономика – экономика души, которая насытит и душу человека, уже достаточно насытив его брехо.

Удивительный момент: используя те же послышки о коммуникации и городе, о которых говорил Г.Зиммель, Э.Тоффлер приходит к совершенно противоположным рассуждениям и выводам. Тоффлер полагает, что за супериндустриальной революцией последует свобода от тирании географии, главный символ которой – личный автомобиль, как средство свободы «новых кочевников», а движение в будущем станет позитивной ценностью само по себе. Прикрепление людей к одному городу это и вовсе ограничение человека в правах и свободах. Что касается коммуникации – то здесь во фрагментации, которая теперь для нее характерна, Тоффлер полагает, что возможно отыскать положительные моменты. Серьезные и длительные отношения, которые были распространены раньше, по Тоффлеру, оборачиваются неразрывными узами, полной несвободой и угнетают человека.

Следует подвести промежуточные итоги: Г.Зиммель выявляет непримиримое противоречие между личностью и обществом, которое сопровождает всю историю человечества, Э.Фромм говорит о тупиковости

развития «свободы от», которая приводит только к новому рабству и настаивает на том, что необходимо развивать «позитивную свободу» человека, Э.Тоффлер полагает, что нас ждет расширение свободы в будущем и каждый человек скоро получит гораздо большие возможности, отмечая при этом, что не все последствия этого расширения будут позитивными. Как один из примеров, человека при рождении и по достижении 70 лет станет окружать в 32 раза больше вещей, здесь он иллюстрирует мысль Г.Зиммеля о росте и подавлении человека объективной культурой.

Как уже говорилось выше, антиутопические тексты, как и эти произведения, своим предметом видят будущее человека. Одними из наиболее актуальных и популярных антиутопий XXI являются экранизированные произведения Ф.Рива из цикла Хроники хищных городов, точнее, первая книга «Смертные машины» и сложное произведение «Облачный атлас» Д.Митчелла, включающее антиутопию «Орizon Сонми-451».

Одна из главных идей книги Ф.Рива схожа с мыслью Э.Тоффлера, Рив применяет принцип «Движение – жизнь» к миру будущего, который переживает последствия войны. Новый принцип мироустройства – муниципальный дарвинизм, в котором большие города «поглощают» малые, и постоянно движутся вместе со всеми своими жителями таким образом иначе побеждает «тиранию географии» о которой говорил Тоффлер. Зато, из-за того, что города вынуждены находиться в постоянном движении люди потеряли возможность быть в плену науки и техники, все, что им остается это собирать крупницы объектов материальной культуры прошлого. Несмотря на кажущуюся свободу движения в новом мире существует рабство.

Лишиться свободы тут можно за любой проступок, в том числе за критические высказывания в адрес правителя. Для бедных слоев населения даже волосы стали лишним пережитком прошлого, от которого следует освободиться. Можно было бы подумать о том, что после войны, которая принесла полное разрушение всей древней системы культуры люди забыли о распрах, но это не так. Кроме ежедневной битвы за ресурсы, идет война противников движения и тех, что искренне верит в движение вперед, к прогрессу, звездам и полному уничтожению врагов. Все жители разделены на гильдии, в соответствии с гильдией определяется вся жизнь человека. Любопытна метафора Рива: создав в своем произведении воскрешенных, людей, чей мозг после смерти помещен в механическую оболочку, автор очевидно, иронически изобразил современных людей и их эксперименты с искусственным интеллектом, клонированием и течением трансгуманизма.

Идея антиутопии «Оризон Сонми-451» вторит идеям Г.Зиммеля и Э.Фромма, о том, что ценность жизни чистокровного жителя определяется количеством долларов в его душе (своего рода паспорт-кошелек), т.е. экономическая активность определяет «индивидуальность». Жители этого мира разделены на две части – одни искусственно созданы – фабриканты, чтобы только работать; другие – чистокровные рожденные, чтобы работать, потреблять и снова работать. Несмотря на то, что новый мир достиг огромных научных и технических высот он не свободен от религии, только теперь распространена другая религия – потребительская.

Жизнь бесправных фабрикантов подчинена катехизису, который запрещает фабрикантам обладать чем-либо, даже мыслями, у чистокровных – свой катехизис. Он запрещает накопления, объявляя их преступлением, зато статуты потребления четко регламентируют сколько необходимо тратить и потреблять достойному гражданину, чтобы соответствовать желанному статусу. Для чистокровных не запрещено образование, они могут найти многие мудрые книги в библиотеках, но, как предсказывал Фромм, не очень-то стремятся их читать, чтобы иметь свое мнение, при этом исторический дискурс запрещен, все документируется и засекречивается. Их индивидуальность – плод трудов лицеправов и таблеток свежести, освободивших чистокровных от старости. Даже душа являясь номинально паспортом и личным счетом, призванная освободить от документов человека на самом деле является средством слежения и контроля, получая прозрачную «свободу от», человек делает огромный шаг, отдаляясь от «свободы для» Несмотря на то, что жизнь фабрикантов и чистокровных жителей кажется очень разной, в одном они равны – никто из них не свободен выбирать жизнь себе сам. Каждый живет жизнью, которая ему предопределена корпоратией.

В обеих антиутопиях несвобода критикуется иносказательно, на основе примеров, которые иллюстрируют мысли рассмотренных философов. Но здесь возникает проблема: для того, чтобы интерпретировать сюжеты и примеры антиутопий, нам необходима философская аналитика свободы, без которой невозможно установить, что свобода, таким образом, является одной из главных ценностей современной антиутопии. Антиутопистов современности часто критикуют за то, что они не предлагают никакой системы взамен антиутопической. Однако, стоит сказать вслед за Л.Сарджентом, что нет такой позиции, с которой не была бы написана утопия, именно поэтому, возможно интерес к ней и иссяк на данный момент. Антиутописты ставят перед собой совершенно другую цель, они стараются не допустить воплощения общества, культивирование которого они наблюдают в настоящем.

Утопической традиции сначала пришлось отказаться от признания возможности построить идеальное общество; с одной из своих задач – обсуждением основ этого общества не справилась утопия, после чего пришла антиутопия, задача которой не допустить мира, в котором абсолютно любая общественная система будет провозглашена идеальной, а вся жизнь человека сведется к тому, чтобы ее поддерживать – покупками или движением. Традиция постепенно ведет нас от основы утопии – счастья всех достойных людей, к основе антиутопии, где свобода – возможность такого счастья, или, по крайней мере, что несвобода – счастьем быть не может.

Подводя итог данному рассуждению, можно сказать, что антиутопические произведения не могут обещать ничего, что может напоминать счастье тому, кто посчитает, что ради комфорта можно отказаться от свободы, или что, утратив свободу можно остаться человеком в полном смысле этого слова. Будущее возможно только при условии свободы в настоящем, которая позволит человеку найти смысл своей жизни и быть счастливым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопич. сознании и утопич. экспериментах. – М.: Политиздат. – 319 с.
2. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. – М.: Strelka Press. – 2018. С.
3. Митчелл Д. Облачный атлас. – СПб.: Азбука. – 2018. – С. 241-325; 421-477.
4. Рив Ф. Хроники хищных городов. Книга 1: Смертные машины. – СПб.: Азбука. – 2018. – 384 с.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: Издательство АСТ. – 2004. – 557 с.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс. – 1990. – 368 с.
7. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Издательство АСТ. – 2018. – 288 с.
8. Чаликова В.А. Утопия и свобода. – М.: Весть-ВИМО, 1994. – 184 с.
9. Fitchow P.E. Modern utopian fictions from H.Wells to Iris Murdoch. – The Catholic University of America Press, 2007. – 228 p.
10. Sargent L. Utopianism: a very short introduction. – Oxford.: Oxford University press, 2010. – 146 p.

TRANSLIT

1. Batalov E.YA. V mire utopii: Pyat' dialogov ob utopii, utopich. soznanii i utopich. eksperimentakh. – M.: Politizdat. – 319 s.
2. Zimmel G. Bolshie goroda i duhovnaya zhizn'. – M.: Strelka Press. – 2018. S.
3. Mitchell D. Oblachnyy atlas. – SPb.: Azbuka. – 2018. – S. 241-325; 421-477.
4. Riv F. Hroniki hishchnykh gorodov. Kniga 1: Smertnye mashiny. – SPb.: Azbuka. – 2018. – 384 s.
5. Toffler E. SHok budushchego. – M.: Izdatel'stvo AST. – 2004. – 557 s.
6. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla. – M.: Progress. – 1990. – 368 s.
7. Fromm E. Begstvo ot svobody. – M.: Izdatel'stvo AST. – 2018. – 288 s.
8. Chalikova V.A. Utopiya i svoboda. – M.: Vest'-VIMO, 1994. – 184 s.
9. Fitchow P.E. Modern utopian fictions from H.Wells to Iris Murdoch. – The Catholic University of America Press, 2007. – 228 p.
10. Sargent L. Utopianism: a very short introduction. – Oxford.: Oxford University press, 2010. – 146 p.